

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ильин П. В. Декабристы, оправданные на следственном процессе : подполковник И. А. Арсеньев / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 481—503. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-481-503.

Ilyin, P. V. (2025). Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Lieutenant Colonel I. A. Arsenyev. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 481-503. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-481-503. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Декабристы, оправданные на следственном процессе: подполковник И. А. Арсеньев

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Decembrists Exonerated by Investigative Commission: Lieutenant Colonel I. A. Arsenyev

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена декабристам, оправданным в ходе следствия и признанным непричастными к тайным обществам. Данная проблематика практически не разработана в историографии. Подчеркивается, что научное значение разработки темы связано с изучением истории выступления Черниговского полка. В отношении оправданных декабристов ставится вопрос выбора, а именно — что считать достоверным: удивляющие показания, доказывающие принадлежность к тайным обществам, или оправдания подозреваемых и итоговый вердикт следствия? Отмечается, что традиционный взгляд отдает предпочтение официальным выводам следствия. Автор статьи предлагает альтернативную точку зрения, доказывая справедливость свидетельских показаний по делу одного из оправданных лиц — подполковника И. А. Арсеньева. Проводится обстоятельный сопоставительный анализ следственных материалов, в том числе привлекается неопубликованное дело И. А. Арсеньева. Уделяется внимание тактике защиты оправданного лица. Актуальность исследования обусловлена значимым для историографии декабризма анализом достоверности содержащихся в следственных показаниях данных, учетом стратегий защиты обвиняемых. Автор приходит к выводу о принадлежности И. А. Арсеньева к участникам декабристского движения.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники; следственный процесс; официальное оправдание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the Decembrists who were exonerated by the official investigation and found not guilty of involvement in the secret societies. This aspect of the Decembrist movement remains largely understudied in the historiography. The scholarly significance of this research is underscored by its contribution to the history of the Chernigov Regiment uprising. The case of the exonerated Decembrists raises a fundamental methodological question: which sources should be considered reliable — the incriminating testimony that suggests membership in the secret societies, or the defendants' exculpatory statements and the investigation's final verdict? The traditional view in the scholarship has tended to privilege the official conclusions of the investigative commission. This article, however, offers a revisionist perspective, arguing for the validity of the witness testimony in the case of one exonerated individual, Lieutenant Colonel I. A. Arseniev. The author conducts a thorough comparative analysis of the investigative materials, drawing on Arseniev's unpublished case file. Particular attention is paid to the defense tactics employed by the acquitted officer. The study's relevance lies in its analysis of the reliability of evidence contained in the investigative depositions and its consideration of the defendants' legal strategies, which are crucial for the historiography of Decembrism. The author concludes that I. A. Arseniev was, in fact, a participant in the Decembrist movement.

Key words:

Decembrists; Secret Societies; Unknown Participants; Investigative Commission; Official Exoneration.

УДК 94(47).072+929Арсеньев

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-481-503

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Декабристы, оправданные на следственном процессе: подполковник И. А. Арсеньев

© Ильин П. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос об участии подполковника Ахтырского гусарского полка Ивана Алексеевича Арсеньева в Южном обществе декабристов наделен особым значением, поскольку затрагивает проблему истинной роли в декабристском движении тех персоналий, которых традиционно относят к предполагаемым членам тайных обществ или вовсе непричастным к движению декабристов.

Актуальность настоящей работы для декабристоведческой историографии определяется не только важностью рассмотрения мало освещенной фигуры из числа деятелей декабристского движения, но и обращением к значимым с точки зрения методологии современных исследований вопросам оценки достоверности следственных показаний, изучения стратегий самозащиты декабристов во время следствия, что позволяет критически пересмотреть результаты официального расследования. Новизна исследования связана с тем, что в нем рассматривается почти не затронутая специальным изучением персонала в истории декабризма, доказывается иная степень участия Арсеньева в декабристском движении по сравнению с той, которая утвердилась в предшествующей литературе.

Настоящая статья продолжает цикл публикаций, затрагивающих проблему неизученности состава участников декабристского движения, которых, как правило, принято оценивать как лиц, причастных к нему, но не состоявших в тайных обществах [Ильин, 2004; Ильин, 2009; Ильин, 2024]. Специальных исследований, освещающих участие Арсеньева в декабристском обществе, кроме наших публикаций, не имеется. Степень изученности вопроса определяется нашими работами, в которых впервые подвергается анализу вопрос об участии Арсеньева в декабристской организации [Ильин, 2004, с. 214—219; Ильин, 2006, с. 190]. По сравнению с нашими предшествующими публикациями в настоящей статье привлечены новые источники, осуществлены развернутая критика и сопоставление источни-

ков, проведена научная реконструкция отношений, соединявших офицера с декабристским обществом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель настоящей статьи — попытаться установить подлинную степень участия И. А. Арсеньева в тайном обществе и «южном заговоре» декабристов. Для достижения поставленной цели автор стремился решить следующие задачи: 1) собрать воедино имеющиеся свидетельства по этому вопросу; 2) выяснить степень достоверности обвинения, выдвинутого против Арсеньева, посредством сопоставления как уличающих, так и оправдательных показаний, оценки достоверности информации, сообщенной авторами уличающих показаний; 3) установить причины оправдательного решения по делу Арсеньева, принятого по итогам расследования; 4) проанализировать собранные данные с помощью критики всего объема зафиксированных в следственных материалах данных, на основе этого интерпретировать противоречия в источниковых данных, реконструировать подлинную степень участия оправданного лица в декабристском обществе.

Главный исследовательский метод, примененный в статье, — критический анализ материалов следствия, поэтому в центре внимания находятся следственная документация (показания, записи допросов, вопросные пункты, результирующие записки и др.). Особое внимание уделено выяснению условий происхождения этих документов и особенностям защитной тактики авторов показаний, причин откровенных свидетельств или, напротив, умолчаний. Важным источником для работы стали материалы, собранные в следственном деле Арсеньева, которое лишь недавно стало предметом специального внимания в наших публикациях.

В статье использовался традиционный для декабристovedения метод сопоставления следственных материалов. Ввиду уникальности случая непрямого участия Арсеньева в конспиративных связях декабристов применен сопоставительный анализ первоисточников, учитывающий каждое свидетельство в полном его объеме. Речь идет не о выборе отдельного указания, извлеченного из показаний и подтверждающего ту или иную точку зрения, а о рассмотрении всего комплекса свидетельств в их взаимосвязи, о непредвзятом учете содержания каждого из них. Источники критически анализируются и сопоставляются, при этом выявляются имеющиеся в них противоречия и умолчания. Важной методологической задачей стало выяснение вопросов, не ставших предметом внимания следователей, установление причин незаконченности расследования. Это позволяет понять, насколько следствие было объективно, а его выводы — обоснованы.

В декабристоведении роль Арсеньева в тайном обществе специально не рассматривалась — этот сюжет не нашел отражения в трудах по истории Южного общества и выступления Черниговского полка [Киянская, 1997; Медведская, 1970; Муравьев, 1926; Нечкина, 1925; Нечкина, 1927; Нечкина, 1955; Оксман, 1929; Порох, 1954; Эйдельман, 1980]. В предисловии и комментариях к публикации следственного дела командира Ахтырского полка А. З. Муравьева об Арсеньеве ничего не говорится [Нечкина, 1954]. Если Арсеньев и упоминается, то как лицо, подозревавшееся в принадлежности к заговору, но не состоявшее в нем, поскольку историки ссылаются на вывод следствия о «невиновности» подполковника [Декабристы... 1988, с. 11]. Упоминания в источниках о причастности Арсеньева к декабристскому союзу не стали предметом изучения. Исключение составляет вступительная статья к публикации эпистолярного наследия А. З. Муравьева (изданная под нашей научной редакцией), где участию Арсеньева в «южном заговоре» посвящено несколько страниц [Любарская, 2010, с. 60—61, 63, 66].

В наших работах впервые в историографии по результатам анализа следственных материалов обоснована точка зрения, согласно которой Арсеньев, несмотря на оправдательный итог следствия, был полноценным участником декабристского общества [Ильин, 2004, с. 214—219; Ильин, 2006, с. 190]. В ответ на наши публикации появилась статья Д. М. Фельдмана [Фельдман, 2010]. Автор придерживается точки зрения, воспроизводящей выводы следствия без анализа полученных показаний, без критической проверки официального вердикта, вынесенного по итогам расследования. Фельдман солидарен с главными положениями «линии защиты», которой придерживался Арсеньев [Там же, с. 485]. Эта точка зрения не учитывает показаний ни одного из свидетелей: ни А. З. Муравьева, ни М. И. Муравьева-Апостола, ни Е. Е. Пфейлицера-Франка, о которых пойдет речь в настоящей статье. Появление обвинительных данных в отношении Арсеньева не объясняется никакими убедительными причинами (ошибка памяти свидетелей, стремление оговорить «невиновных» и т. д.). Не приводятся аргументы, которые подкрепляли бы мнение о том, что автор основных уличающих показаний Артамон Муравьев ложно оговорил «невиновного» Арсеньева. В наименьшей степени это касается М. И. Муравьева-Апостола, который располагал сведениями, полученными «из первых рук» — от руководителей Васильковской управы С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина. Сформулировать причины, в силу которых А. З. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол, уличавшие Арсеньева на следствии, могли дать ложные показания (совершить «навет» или «оговор»), автору, поддержавшему традиционную точку зрения, оказалось крайне затруднительным.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первые показания об участии И. А. Арсеньева в тайном обществе и заговоре декабристов на юге

Имя И. А. Арсеньева впервые прозвучало на следствии по делу декабристов 29 января 1826 года. На первом допросе, состоявшемся в присутствии Следственного комитета, доставленный из Киевской губернии командир Ахтырского полка полковник А. З. Муравьев назвал членом тайного общества своего подчиненного подполковника Арсеньева [ВД, 1986, с. 78]. Муравьев подтвердил это в письменных показаниях, составленных в ответ на переданные после допроса «вопросные пункты». Он свидетельствовал, что вскоре после присоединения к Южному обществу узнал об участии в этом конспиративном союзе офицеров подчиненного ему полка, а именно ротмистров Н. Н. Семичева, Е. Е. Франка и подполковника И. А. Арсеньева [ВД, 1954, с. 105].

Более того, на допросе и в показаниях Муравьев раскрыл информацию, серьезным образом уличавшую нового обвиняемого: «30-го числа [декабря 1825 года] подполковник Арсеньев, также ко мне войдя, говорит: “При теперешних обстоятельствах не быть ли готову?” Я и ему сказал, что преступно для спасения своей кожи губить людей безвинных. И, наконец, я бы должен идти против брата родного своего (Александра Захаровича Муравьева, командира соседнего Александрийского гусарского полка. — *П. И.*)» [ВД, 1986, с. 78, 254; ВД, 1954, с. 111]. Предложение Арсеньева, по словам Муравьева, прозвучало после получения известий о приказе арестовать С. И. Муравьева-Апостола и его розысках, принятых военным начальством. Как видим, из приведенного показания с очевидностью вытекает, что предложение Арсеньева ставило Муравьева «против брата родного своего». В ходе следствия Артамон Муравьев настаивал на непричастности брата Александра к декабристскому союзу, его полной неосведомленности о замыслах мятежного выступления. Следовательно, речь шла об участии в военных действиях против той стороны, которую представлял, по его заверениям, брат, — то есть, против правительственных войск. Контекст диалога прямо говорит о том, что обсуждаемое вооруженное действие должно было «спасти» заговорщиков и при этом, возможно, погубить «людей безвинных». Речь в диалоге Муравьева и Арсеньева, таким образом, шла о мятежническом выступлении против верных правительству частей. К этому необходимо добавить, что о начавшемся восстании Черниговского полка Муравьев узнал, по его словам, только 31 декабря [ВД, 1954, с. 111], поэтому за день до этого, 30 декабря, предложение Арсеньева могло находиться лишь в плоскости планируемого заговорщиками выступления, а не действий по подавле-

нию мятежа черниговцев (о котором полковой командир и подчиненный ему офицер не имели еще известий).

Итак, анализ разговора Арсеньева с Артамоном Муравьевым, представленного в показаниях последнего, не оставляет сомнений в том, что в этом диалоге обсуждалась возможность мятежного выступления членов декабристского общества. Получив показания Артамона Муравьева, следствие пришло к аналогичному выводу: следователи сочли, что после получения известия об аресте С. И. Муравьева-Апостола (родственника командира Ахтырского полка) Арсеньев спрашивал у Муравьева, не приготовить ли в сложившейся ситуации эскадрон ахтырцев к участию в мятеже [ВД, 1986, с. 254].

Следует напомнить, что разговор, о котором идет речь, произошел после встречи Артамона Муравьева с братьями Муравьевыми-Апостолами и Бестужевым-Рюминым, состоявшейся 27 декабря, на которой обсуждалась необходимость начала восстания в полках 1-й армии и возможность присоединения к нему Ахтырского полка. Уже было известно о готовящемся аресте Сергея Муравьева-Апостола, и командир ахтырцев после серьезных колебаний поначалу обещал поддержать выступление, но в следующие дни его настроение резко изменилось, и на встрече с артиллерийским офицером Я. М. Андреевичем 29 декабря он отказался от любого содействия [Муравьев, 1926, с. 112—115; Нечкина, 1955, с. 355, 381; Порох, 1954, с. 161]. Участником встречи 27 декабря был ротмистр Ахтырского полка Н. Н. Семичев, который, по свидетельству мемуариста И. И. Горбачевского, уверял, что полк готов начать восстание, вопреки скептическим заявлениям полкового командира [Горбачевский, 1963, с. 53]. Возможно, учитывая отраженный в показаниях А. З. Муравьева вопрос-предложение Арсеньева, решительная позиция офицеров-ахтырцев была общей и согласованной, в противоположность колебаниям полкового командира.

Мы останавливаемся на этом вопросе столь подробно, акцентируя внимание на содержании разговора между А. З. Муравьевым и Арсеньевым, документированном показаниями первого из них, по той причине, что в ходе следствия подполковник Арсеньев представит другую, противоположную по своему смыслу, интерпретацию.

Показания, принадлежащие Артамону Муравьеву — заметной фигуре в декабристской организации на юге, замешанной в радикальные планы военного выступления полков 1-й армии, ареста или покушения на жизнь императора, разработанные лидерами Васильковской управы Южного общества [ВД, 1954, с. 129—132], вызвали со стороны следствия немедленное решение об аресте вновь названного им лица, тем более что, как явствовало из полученных показаний, Арсеньев предлагал начать выступление Ахтырского полка на стороне заговорщиков.

Следствие запросило разрешение на «вытребование» названных Муравьевым офицеров-ахтырцев (Арсеньева, Семичева и Франка) и обратилось за разъяснениями в отношении Арсеньева к С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину — руководителям Васильковской управы [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 4—5 об.]. Император одобрил эти меры. 31 января в журнале Следственного комитета было записано решение об аресте трех офицеров Ахтырского полка и присылке их в Петербург [ВД, 1986, с. 80, 254].

7 февраля исполнявший после ареста А. З. Муравьева должность полкового командира Ахтырского полка подполковник И. А. Арсеньев был арестован в Киевской губернии и отправлен в Петербург. 15 февраля, после предварительного допроса, снятого в Зимнем дворце В. В. Левашовым, он был заключен в Петропавловскую крепость [Вершевская, 2014, с. 323, 357].

3.2. Тактика защиты И. А. Арсеньева и столкновение показаний свидетелей по делу. Оправдательный вердикт следствия

На первичном допросе Арсеньев полностью отверг содержание предъявленных уличающих показаний, заявляя, что не только не принадлежал к тайному союзу, но и не подозревал о его существовании, предложений о вступлении в такой союз Муравьев ему не делал, а 30 декабря он встретился с полковым командиром по делам службы [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 1]. На втором допросе 21 февраля, после которого новому обвиняемому были направлены вопросные пункты (письменные показания Арсеньева зачитывались на заседании Комитета в тот же день), Арсеньев вновь категорически отрицал свою принадлежность к тайному обществу и какую-либо степень осведомленности о его существовании и, тем более, планах мятежа. На главный пункт обвинения — сведения, полученные от Артамона Муравьева, — Арсеньев на допросе отвечал, что 30 декабря действительно спрашивал у полкового командира, не подготовить ли эскадрон к выходу из места расположения, потому что «слышал от проезжавшего артиллерийского офицера», что «будет полку поход» [ВД, 1986, с. 112], а в данных затем показаниях этот свой вопрос целиком отрицал [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 12—12 об.]. Арсеньев ссылаясь на неизвестного ему офицера-артиллериста (вероятно, это был посланец от Общества соединенных славян подпоручик Я. М. Андреевич [Нечкина, 1955, с. 379—382]) как на источник сведений о грядущем «походе» полков 1-й армии.

Из слов подследственного явствовало, что Муравьев неверно истолковал вопрос, приняв слова Арсеньева за предложение участвовать в мятеже. Сам же Арсеньев, по его уверению, имел в виду то обстоятельство, что вскоре должен был поступить приказ о «походе» Ахтырского полка. Хотя Андреевич, если разговор с Арсеньевым действительно имел место, подразумевал

начало повстанческих действий, в оправдательных показаниях обвиняемого это представляло как «поход» против восставшего Черниговского полка.

Из письменного показания Арсеньева вытекало, что в разговоре 30 декабря речь шла о ставшем известным приказе об аресте С. И. Муравьева-Апостола и возможном аресте А. З. Муравьева, причем Арсеньев «ручался» за эскадрон, которым командовал, — что он не выйдет из повиновения полковому командиру. Возможный контекст реализации в этом случае намерений и планов заговорщиков блокировался полным и решительным отрицанием любых «преступных связей» с тайным обществом [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 12].

Исходя из сказанного, следует подчеркнуть: подоплека диалога Арсеньева с Муравьевым, состоявшегося 30 декабря, источником которого послужили, даже согласно оправданиям Арсеньева, сведения, поступившие, видимо, от Я. М. Андреевича, находилась в прямой связи с известиями об «открытии» тайного общества правительством. Предложение подготовить эскадрон в связи с этим помещается в контекст плана открытого выступления на случай обнаружения тайного общества и ареста его членов.

Тем временем А. З. Муравьев в ответах на запрос следствия об Арсеньеве (в котором уже сообщалось об отрицании подполковником уличающих показаний), составленных 19 февраля, подтвердил свое первое показание. По его словам, лично он не принимал Арсеньева в тайное общество, но о членстве его узнал от Бестужева-Рюмина: «...полагал сие [участие Арсеньева в Южном обществе. — *П. И.*], основываясь на словах Бестужева-Рюмина». Последний, по утверждению Муравьева, сообщил ему, что на Арсеньева «можно крепко надеяться» как на товарища по заговору. Артамон Муравьев раскрыл новое обстоятельство, которое подтверждало наличие конспиративных связей между ним и Арсеньевым, — следствие совершенно не учитывало его в дальнейшем. При своем аресте 31 декабря 1825 года Муравьев составил и отправил письмо, адресованное Арсеньеву, а по содержанию — всем заговорщикам в полку. В этом письме, написанном, «чтобы предупредить всякий беспорядок», он просил «быть верну присяге, если память моя сколько-нибудь им дорога», и требовал, если ахтырцы выступят против Черниговского полка, чтобы офицеры «выполнили бы обязанность свою согласно присяге» [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 8 об]. Такое письмо могло быть адресовано только товарищам по заговору, которые ранее выражали намерение принять участие в мятеже. Это обращение лежало, как признавал Муравьев, в плоскости состоявшегося 30 декабря разговора с Арсеньевым. Данное обстоятельство еще больше раскрывает вовлеченность последнего в дела «южного заговора», его влиятельное положение среди офицеров-ахтырцев, состоявших в тайном обществе.

Тем временем запрошенный следователями дважды (19 и 20 февраля) Бестужев-Рюмин категорически отверг свое участие в приеме Арсеньева в декабристский союз, заявляя, что тот не состоял членом общества, и выразил готовность обличить «несправедливость» показания Артамона Муравьева на очной ставке. Отрицал принадлежность Арсеньева к заговору в своем показании и С. И. Муравьев-Апостол [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 4 об., 5 об., 9]. Ему был адресован дополнительный вопрос, в основе которого, возможно, лежала «проговорка» Артамона Муравьева на допросе, согласно которой Муравьев-Апостол уведомил его, что Арсеньев — «главный член общества» среди офицеров-ахтырцев. Это любопытное указание было отвергнуто Муравьевым-Апостолом [Там же, л. 5—5 об.].

В ответ на решительные отрицания Бестужева-Рюмина Артамон Муравьев дал показания от 21 и 22 февраля. В них он настаивал на том, что сообщил раньше, и дополнял свидетельство новыми деталями: «Отрицание Бестужева[-Рюмина] крайне удивительно, ибо [он] у меня на квартире говорил... под Лещином, что Арсеньев удивительно хорош, и надеяться можно крепко на него. И какая бы мне была польза сие ложно показать?», — добавляя, что готов подтвердить это на очной ставке. Муравьев подчеркивал: «Сомневаться же мне невозможно о его к обществу принадлежности, потому что его вопрос 30-го декабря... справедливо мною объявлен... Опять снова повторяю, что оклеветать человека я не в состоянии». Муравьев заявил: чтобы его не «почли довольно низким, чтоб [мог] оклеветать невинного человека», он «присягою готов подтвердить» свой разговор с Арсеньевым [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 7 об. — 8]. Дополнительно он сообщал, что сделал показание об Арсеньеве, поскольку решил «строго держаться истины и припоминаемое не умалчивать»; Муравьев вновь уточнял, что разговор с Арсеньевым произошел до получения известий о восстании Черниговского полка [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 2, 10—10 об.; ВД, 1986, с. 112].

Однако уверения и объяснения Муравьева, в отличие от показаний Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола, не были сочтены основательными, а очные ставки между явно противоречащими друг другу свидетельствами не состоялись.

После получения этих показаний Следственный комитет решил представить Арсеньева к освобождению — как лицо, оправданное в результате расследования. В итоговой записке о А. З. Муравьеве в особом примечании приведен, надо полагать, окончательный вывод следствия о степени причастности Арсеньева к обществу декабристов на юге: «Артамон Муравьев называл Арсеньева членом тайного общества и принял слова сего последнего в смысле готового содействовать обществу, но Арсеньев был сюда вытре-

бован, оказался невинным и по высочайшему повелению уволен» от дальнейшего расследования [ВД, 1954, с. 131]. Аналогичный вывод о невиновности Арсеньева был отражен в записке о нем, представленной Николаю I вместе с предложением Комитета об освобождении. Последовала резолюция императора: «Сейчас выпустить»; на следующий день, 22 февраля, подполковника освободили с оправдательным «аттестатом» [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 14; ВД, 1986, с. 112, 275]. Кратковременное заключение Арсеньева в Петропавловской крепости продлилось всего лишь около недели.

Таким образом, следствие доверилось оправдательным показаниям Арсеньева. Оно удовлетворилось предложенной самим обвиняемым интерпретацией ключевого эпизода с предложением подполковника, обращенным к командиру Ахтырского полка — подготовить эскадрон «к походу» после получения сведений о начавшихся арестах лидеров заговора. Несмотря на кричащие противоречия в показаниях, следствие не стало проводить очных ставок, остановившись на отрицаниях участия Арсеньева в тайном обществе в показаниях Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина — несмотря на то что А. З. Муравьев ссылаясь на последнего как на источник сведений о том, что подполковник являлся членом декабристской организации, неоднократно подтверждая информацию о времени и месте разговора, из которого ему стало известно о членстве Арсеньева.

3.3. Документальные свидетельства, опровергающие оправдательный вердикт

Показания А. З. Муравьева — человека, весьма осведомленного в деятельности декабристского союза на юге, который перед лицом следствия неоднократно, прямо и недвусмысленно подтверждал принадлежность Арсеньева к тайному обществу, — не были единственной уликой против этого офицера.

Еще 15 января в показаниях командира Полтавского пехотного полка В. К. Тизенгаузена — непосредственного начальника Бестужева-Рюмина и осведомленного участника Васильковской управы Южного общества (к которой относились А. З. Муравьев и офицеры Ахтырского полка) — содержались любопытные данные о знакомстве автора показаний с офицерами-гусарами летом 1824 года: «В Белой Церкви бывали у меня, кроме моих офицеров [Полтавского полка], Ахтырского полка два брата Годениуса... Франк... Семицев, подполковник Арсеньев, но с которыми я никогда ни одного слова о конституции или тайном обществе не говорил. Хотя они все честных правил и, как мне кажется, не должны принадлежать к обществу... но я не могу ручаться, чтобы они после того не поступили в общество, подобно артиллерийским офицерам в Лещине...» [ВД, 1954, с. 256]. Это показание раскрывает давний и длительный характер связей офицеров

Ахтырского полка, включая Арсеньева, с членами Васильковской управы, берущих начало, по крайней мере, с лета 1824 года.

Более существенное свидетельство представил другой осведомленный участник Васильковской управы М. И. Муравьев-Апостол. В показаниях, датированных 10—11 апреля 1826 года, он свидетельствовал: «Ахтырского гусарского полка Арсеньев, Семичев и Франк были приняты в члены Южного общества в 1824 году в лагере в Белой Церкви Бестужевым[-Рюминым] и братом моим Сергеем». При этом автор показания добавлял: «Арсеньева и Франка я никогда не видел» [ВД, 1950, с. 270]. Из этого указания видно, что Матвей Муравьев-Апостол знал о принятии в тайное общество перечисленных им офицеров-ахтырцев. Эти сведения, очевидно, он получил от брата Сергея и Бестужева-Рюмина, которые, по утверждению автора показаний, самолично приняли в тайный союз названных офицеров.

Итак, показание Артамона Муравьева о принадлежности Арсеньева к тайному обществу подтверждается авторитетным голосом Матвея Муравьева-Апостола, хорошо информированного («из первых рук») о персональном составе Васильковской управы, возглавляемой его младшим братом, а также подкрепляется показанием Тизенгаузена, говорящим о давнем характере связей офицеров-ахтырцев с заговорщиками, что могло способствовать их поступлению в ряды декабристской организации.

Важно обратить внимание на еще один факт: другие офицеры Ахтырского полка, названные Артамоном Муравьевым и Матвеем Муравьевым-Апостолом членами тайного общества в одном ряду с Арсеньевым (Н. Н. Семичев, Е. Е. Франк), в ходе следствия признали свою осведомленность о существовании тайного общества и участие в его деятельности. Принадлежность этих офицеров-ахтырцев к Южному обществу была установлена по итогам следствия и не оспаривается исследователями [ВД, 2001, с. 109—110, 122—123].

Другим важным обстоятельством является то, что, по полученным в ходе следствия данным, оба указанных офицера Ахтырского полка (Семичев и Франк) узнали о тайном обществе от Бестужева-Рюмина. Именно он, судя по всему, предпринимал усилия по привлечению в декабристский союз офицеров-ахтырцев, отвечал за их вербовку, а не полковой командир А. З. Муравьев. И Франк, и Семичев были извещены Бестужевым-Рюминым о существовании тайного союза в 1824 году, а в 1825 году окончательно приняты в его состав в Лещинском лагере [ВД, 2001, с. 105, 106, 117—118]. Это были те офицеры, которых Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол готовили к вступлению в тайный союз, начиная с весны-лета 1824 года. Путь, который проделали офицеры-ахтырцы в декабрист-

ское общество, как мы видели, имеет пересечения с той фрагментарной информацией об Арсеньеве, которая отразилась в следственных показаниях.

В этом контексте ссылка на Бестужева-Рюмина, присутствующая в показаниях Артамона Муравьева в связи с вопросом о принадлежности Арсеньева к декабристскому обществу, приобретает высокую степень достоверности. Если Бестужев-Рюмин открыл существование общества всем трем офицерам-ахтырцам, а затем способствовал их принятию, именно он и должен был сообщить новому командиру полка Артамену Муравьеву о находящихся в его подчинении заговорщиках (что и отражено в показаниях последнего, утверждающих членство Арсеньева).

Далее следует отметить, что сослуживцы Арсеньева по Ахтырскому полку, будучи важнейшими свидетелями по его делу, по неизвестной причине не опрашивались следствием в связи с вопросом о его принадлежности к тайному обществу. Товарищи Арсеньева по полку и, по всей видимости, ближайшие к нему лица из числа участников декабристской организации, как это ни странно, так и не получили от следствия вопросов о степени причастности подозреваемого к заговору.

Но касались ли Арсеньева офицеры Ахтырского полка в своих показаниях? Сдержанный Н. Н. Семичев ничего не сообщил следствию о принадлежности подполковника к заговору. Ротмистр Е. Е. Франк показал 17 февраля 1826 года, что ему не было известно, принимались ли полковым командиром Муравьевым в тайный союз Арсеньев, Семичев и другие офицеры полка. Сам Франк был извещен о декабристском обществе в 1824 году Бестужевым-Рюминым, окончательно принят в 1825 году С. И. Муравьевым-Апостолом. В ответ на вопрос Следственного комитета от 21 февраля 1826 года — вовлекал ли Артамон Муравьев в тайное общество офицеров-ахтырцев — Франк показал: «Подполковник Арсеньев принят ли был им [А. З. Муравьевым. — *П. И.*] или нет, мне неизвестно, но он мне говорил раз, что надеется со временем его уговорить». Вместе с тем Франк передал характерный диалог, удостоверяющий причастность Арсеньева к конспиративным связям: после известия об аресте П. И. Пестеля (вторая половина декабря 1825 года) Муравьев сообщил Франку: «...всё пропало... Пестель уже взят», — прибавив к этому: «Теперь надо нам как можно дружнее держаться», — а затем сообщил, «что он надеется, что подполковник Арсеньев будет также согласен, на что он [А. З. Муравьев. — *П. И.*] от меня в ответ получил, что это его дело об этом хлопотать» [ВД, 2001, с. 104, 107].

Данное показание передает события, протяженные во времени. Свидетельство о том, что Арсеньева «со временем» хотели вовлечь в тайное общество, относится к более раннему периоду. О хронологической привязке этого указания нельзя сказать ничего определенного: возможно, это было сказано

до лета 1825 года — времени, когда офицеров-ахтырцев окончательно приняли в декабристский союз. В сообщении о событиях, состоявшихся после ареста Пестеля, Арсеньев фигурирует как полноценный участник конспиративных связей: в этом показании Артамон Муравьев предстает лидером заговорщиков в Ахтырском полку, а Арсеньев — как один из тех, кто принимает важное участие в связях заговорщиков, поскольку упоминается как человек, мнение которого представляет для них определенное значение.

Итак, комплекс следственных показаний о подполковнике Арсеньеве, несмотря на официальный акт оправдания, содержит прямые и косвенные указания об участии в декабристском союзе, свидетельства его вовлеченности в конспиративные связи, доказательства того, что заговорщики рассматривали его как своего товарища и единомышленника. Показания А. З. Муравьева и М. И. Муравьева-Апостола, которых нельзя не признать авторитетными и осведомленными свидетелями, недвусмысленно говорят о том, что Арсеньев состоял членом Южного общества. Показания Е. Е. Франка, сослуживца Арсеньева, удостоверяют, что подполковник был значимой частью конспиративных связей офицеров Ахтырского полка. Показания В. К. Тизенгаузена подтверждают, что начиная с 1824 года Арсеньев входил в круг офицеров-ахтырцев, охваченных влиянием лидеров Васильковской управы и с течением времени вовлекаемых в ряды ее членов.

Свидетельства, отложившиеся в фонде следствия, ставят под сомнение отрицание членства Арсеньева в тайном обществе со стороны Бестужева-Рюмина. Очевидно, у него были причины скрывать участие Арсеньева в конспиративной организации. Возможно, это было связано с окраинным положением подполковника в декабристском союзе: долгое время его соединяли с тайным обществом только контакты с Бестужевым-Рюминым, что создавало благоприятные возможности для «выведения» Арсеньева из числа обвиняемых. С другой стороны, конспиративные отношения с офицером в высоком чине, по-видимому, могли быть связаны с подготовкой военного мятежа, а в этом вопросе лидеры «южного заговора», чтобы не увеличивать «виновность» как свою, так и других лиц, стремились укрыть от внимания следствия как можно больше фактов и обстоятельств.

В доказательство последней мысли следует вернуться к словам Бестужева-Рюмина, переданным в показаниях А. З. Муравьева, — о том, что на Арсеньева «надеяться можно крепко» [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 10]. Эти слова, во-первых, прямо говорят об Арсеньеве как единомышленнике членов тайного общества, во-вторых, косвенно свидетельствуют о том, что он был осведомлен о потаенных намерениях декабристов (к которым относились планы военного восстания), в-третьих, позволяют думать, что подполковник был настроен решительно, соглашался принять участие

в действиях заговорщиков, вплоть до восстания. В этом контексте вопрос-предложение Арсеньева, заданный А. З. Муравьеву в канун выступления Черниговского полка, обретает «предысторию» и становится на прочную основу предшествующего участия подполковника в заговоре, его решительного настроя на активные действия, раскрывает степень его осведомленности о целях декабристов и средствах их достижения.

Примерно те же причины лежали в основе показаний С. И. Муравьева-Апостола, тоже отвергавшего участие Арсеньева в «южном заговоре». Если до ареста и следствия либо он, либо Бестужев-Рюмин уведомили о членстве Арсеньева в Южном обществе Матвея Муравьева-Апостола (что явствует из его показаний), то в условиях следствия Сергей Муравьев-Апостол занял позицию отрицания участия подполковника в заговоре. О причинах можно только гадать. Скорее всего, они были связаны с планами мятежа в частях 3-го пехотного корпуса, что в условиях следствия ставило руководителей Васильковской управы перед сложной этической задачей — попытаться уберечь от тяжелых обвинений хотя бы часть товарищей по декабристскому союзу — тех, кто не мог быть легко скомпрометирован в показаниях других лиц ввиду своего периферийного положения в тайной организации и неучастия в восстании Черниговского полка. По-видимому, в случае Арсеньева это удалось сделать как С. И. Муравьеву-Апостолу, так и Бестужеву-Рюмину. Показаний Матвея Муравьева-Апостола, Артамона Муравьева и Франка оказалось недостаточно, чтобы следствие признало выдвинутые обвинения вполне подтвержденными.

Таким образом, полученные следствием данные лишают убедительности оправдательные показания Арсеньева, избравшего для своей защиты тактику полного отрицания уличающих данных. Содержащиеся в показаниях как прямые, так и косвенные свидетельства об участии Арсеньева в тайном обществе и «южном заговоре» декабристов, сведения о сделанном им предложении подготовить к выступлению эскадрон Ахтырского полка заставляют признать оправдательный вердикт следствия необоснованным. Отрицание участия Арсеньева в декабристском обществе со стороны Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола могло быть мотивировано стремлением спасти Арсеньева от обвинений в знании планов «мятежа» и готовности принять в нем участие, а заодно ослабить собственную «виновность» в распространении заговора в частях 1-й армии.

3.4. Причины вынесения оправдательного вердикта, незавершенный характер расследования

Говоря о причинах оправдательного вердикта, прежде всего, нужно признать успешной осуществленную Арсеньевым переинтерпретацию ключевого уличающего показания А. З. Муравьева — о предложении

подготовить к «походу» командуемый подполковником эскадрон. Сам факт этого предложения Арсеньев на допросе отрицать не стал — по-видимому, опасаясь возражений свидетелей. Не отрицая факта, он постарался полностью изменить его смысл. Переинтерпретация показаний Муравьева стала центральным пунктом оправдательной «линии поведения» Арсеньева. В рамках избранной им защитной тактики уличающие свидетельства со стороны Муравьева объяснялись неверно понятым смыслом слов Арсеньева, получившего сведения о скором «походе» Ахтырского полка, но не имевшего в виду участие в мятеже. Актуальный для 30 декабря 1825 года контекст начала арестов заговорщиков и состоявшейся ранее встречи Артамона Муравьева с руководителями Васильковской управы, на которой обсуждалась непосредственная организация мятежа в частях 1-й армии, нивелировался и исчезал. Будущий «поход» связывался с поступившим вскоре приказом о выступлении полка для участия в подавлении восстания черниговцев, а предложение Арсеньева попадало в легитимный контекст сохранения верности присяге Николаю I и необходимого порядка в полку.

Оценивая причины оправдательного итога следствия, нужно отдать должное самозащите Арсеньева. Фактически он спас себя от наказания, последовательно придерживаясь позиции отрицания не только членства в тайном обществе, но и любой степени осведомленности о его существовании и намерениях. Такая тактика защиты, по-видимому, произвела благоприятное впечатление на следователей и самого Николая I, как и в случае других оправданных лиц, против которых имелись показания об участии в декабристском обществе (артиллерийский офицер Ф. Е. Врангель, полковые командиры 1-й армии Ф. К. Левенталь и В. К. Ширман, — все они, как правило, были в короткий срок освобождены из-под ареста) [Ильин, 2004, с. 340—341].

Личные качества Арсеньева, обусловившие твердость во время допросов, упорство в отстаиваемой позиции, избранная им тактика поведения, отразившаяся и в письменных показаниях, обеспечили ему, по всей видимости, высокую степень доверия со стороны следствия. В условиях дефицита уличающих данных, полученных от свидетелей по делу, его показания стали доказательством того, что уличающие свидетельства, прежде всего Артамона Муравьева, не имеют под собой надежной почвы. В целом, следствие некритически отнеслось к показаниям Арсеньева, не придавая значения свидетельствам сначала А. З. Муравьева, а затем М. И. Муравьева-Апостола, прямо утверждавших участие подполковника в тайном обществе. Подследственному в какой-то мере повезло в том, что другие осведомленные свидетели (например, офицеры-ахтырцы) не стали подтверждать уличающие его показания.

В выяснении вопроса о вступлении в Южное общество офицеров Ахтырского полка следователи сосредоточились на участии в их вербовке полкового командира Артамона Муравьева, упустив из виду энергичную деятельность в этом направлении руководителей Васильковской управы. Если бы расследование тщательно выяснило действия по набору новых членов С. И. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, то, несомненно, был бы пролит свет и на прием в декабристский союз Арсеньева.

Другим обстоятельством, повлиявшим на оправдательный итог, стала фактическая остановка следственных действий. Следствие по делу Арсеньева отличается незавершенностью. Во-первых, не были заданы уточняющие вопросы Артамену Муравьеву и Матвею Муравьеву-Апостолу ввиду их утвердительных показаний о членстве Арсеньева в конспиративном союзе. Во-вторых, не были опрошены офицеры Ахтырского полка Н. Н. Семичев и Е. Е. Франк, осведомленные об участии подполковника в заговоре, связанные с ним не только служебными и личными отношениями, но и контактами по тайному союзу. В-третьих, не был опрошен офицер-артиллерист Я. М. Андреевич, от которого, согласно показаниям Арсеньева, он услышал в конце декабря 1825 года о «походе» ахтырцев и других полков 1-й армии. В-четвертых, не были проведены очные ставки между Арсеньевым и Артамоном Муравьевым в связи со сделанными последним уличающими показаниями, а также между Артамоном Муравьевым, Матвеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым в связи с показаниями первых двух свидетелей о принадлежности Арсеньева к Южному обществу.

Сворачивание расследования, невнимание к обвинительным свидетельствам отличают многие случаи в группе оправданных лиц [Ильин, 2004, с. 337—343]. Дело Арсеньева — один из ярких случаев игнорирования уличающих показаний, которые свидетельствовали об участии в тайном обществе, указывали на подтверждающие обстоятельства вступления офицера в декабристское общество, на тех, кто непосредственно осуществлял прием в члены, даже содержали информацию о предложении, сделанном обвиняемым лицом, — начать восстание в Ахтырском полку.

3.5. Реконструкция участия И. А. Арсеньева в тайном обществе декабристов

Полученные в ходе следствия данные позволяют в общих чертах реконструировать историю присоединения Арсеньева к декабристскому обществу и его участия в «южном заговоре». Как и другие офицеры Ахтырского полка (Н. Н. Семичев, Е. Е. Франк), он попал в поле зрения руководителей Васильковской управы С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина к лету 1824 года. Вероятно, как и другие офицеры-ахтырцы, Арсеньев

узнал в это время о существовании тайного союза, преследующего цель изменения самодержавной формы правления. В дальнейшем связь с офицерами поддерживал Бестужев-Рюмин, «приготовляя» их к вступлению в число членов Южного общества. Арсеньев встречался с другими членами Васильковской управы (как видно из показаний В. К. Тизенгаузена), постепенно приобретая вес и значение в кругу товарищей по полку.

Уже на этом этапе, судя по всему, офицеры-ахтырцы, в том числе Арсеньев, считались членами тайного общества, поступившими в «низший разряд». Показание об этом «разряде» («полупринятых») участников Южного общества дал С. И. Муравьев-Апостол в связи с запросом о приеме в тайный союз как раз офицеров Ахтырского полка. Согласно этому показанию, «третьему» разряду, который составляли «полупринятые», открывали не всю информацию о средствах достижения политических целей декабристского общества и его внутреннем устройстве [ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 176, л. 5—5 об.; ВД, 2001, с. 131].

Подчеркнем, что распространение тайного общества в Ахтырском полку происходило не усилиями А. З. Муравьева (принявшего командование над полком только весной 1825 года), а посредством активных действий одного из руководителей Васильковской управы Бестужева-Рюмина, что делает убедительным предположение о том, что прием Арсеньева был осуществлен руководством управы.

После перехода в 1-ю армию А. З. Муравьева и занятия им должности полкового командира офицеры-ахтырцы, находившиеся в статусе принятых в «низший разряд» членов, оказались в его ведении. Как свидетельствовал сам Муравьев на допросах, он получил информацию о том, что в подчиненном ему полку о тайном союзе извещены несколько офицеров, в том числе Арсеньев. Летом 1825 года (возможно, в августе-сентябре, во время учений в Лещинском лагере) состоялся окончательный прием Арсеньева и других офицеров Ахтырского полка, осуществленный Сергеем Муравьевым-Апостолом при участии Бестужева-Рюмина. О том, что несколько офицеров-ахтырцев стали новыми полноправными членами, стало известно М. И. Муравьеву-Апостолу, о чем мы знаем из его показаний.

Можно полагать, что Арсеньев был в числе решительно настроенных деятелей тайного общества. Он командовал эскадроном Ахтырского полка и не отказывался от участия в военном выступлении. Руководители Васильковской управы считали, что на него можно «крепко надеяться». Когда стало известно о поступившем приказе арестовать главу «южного заговора» С. И. Муравьева-Апостола, Арсеньев, как видно из показаний А. З. Муравьева, обратился к нему с вполне логичным для участника тайного союза вопросом: не подготовить ли к задуманному, согласно плану

лидеров Васильковской управы, выступлению командуемый им эскадрон? Вопрос показывает, что подполковник одобрял намерения заговорщиков и готов был участвовать в выступлении. Отказ Артамона Муравьева от содействия руководителям Васильковской управы в деле организации восстания предопределил неучастие в событиях и подчиненного ему офицера.

В контексте раскрытой в следственных показаниях готовности Арсеньева содействовать восставшим можно оценивать свидетельство мемуариста И. И. Горбачевского, который утверждал, что, несмотря на позицию командира Ахтырского полка А. З. Муравьева, среди подчиненных ему офицеров были те, кто готов был поддержать черниговцев и присоединиться к ним; их рупором выступает в мемуарном тексте Н. Н. Семичев [Горбачевский, 1963, с. 53, 58]. Хотя в мемуарах Горбачевского другие заговорщики-ахтырцы не названы по фамилии, можно полагать, что одним из них был Арсеньев. Источником сведений мог служить как Артамон Муравьев, так и, возможно, Я. М. Андреевич (артиллерийский офицер, который, по-видимому, имел разговор с Арсеньевым и снабдил его информацией о «походе» частей 3-го пехотного корпуса) — товарищи Горбачевского по каторге.

Неслучайно, что, согласно показаниям Муравьева, именно Арсеньеву было направлено 31 декабря 1825 года особое письмо, предупреждавшее подполковника и других заговорщиков от любых действий, нарушавших принесенную присягу, в связи с начавшимся восстанием Черниговского полка и арестом полкового командира Ахтырского полка. Вряд ли такое письмо могло быть адресовано нерешительным участникам тайного союза, которые не выражали намерений поддержать открытое выступление.

Раскрытые в ходе следствия признаки участия Арсеньева в заговоре, его готовности присоединиться к «южному восстанию» были полностью перечеркнуты твердой «линией защиты» самого Арсеньева, а также спасительными для него отрицаниями лидеров Васильковской управы, что повлекло за собой прекращение следственных действий.

4. Заключение = Conclusions

Расследование об И. А. Арсеньеве дает яркий пример переинтерпретации обвинительных показаний. Арсеньев уличался свидетельствами своего непосредственного начальника А. З. Муравьева и осведомленного брата руководителя Васильковской управы Южного общества М. И. Муравьева-Апостола, содержащими безоговорочные указания о членстве в тайном обществе. Казалось бы, в этой ситуации подследственному, который обвинялся, по крайней мере, в осведомленности о планах «мятежа» и готовности ему содействовать, грозил неминуемый судебный приговор. Если бы подтвердились не только членство Арсеньева в тайном союзе, но и сделанное

им предложение «взбунтовать» Ахтырский полк в связи с началом мятежных действий в декабре 1825 года, ему было бы предъявлено обвинение: по «второму пункту» («бунт») — «полное знание умысла», по роду «виновности» «мятеж» — «приготовление товарищей планами и советами, с знанием сокровенной цели» или, более мягкое, «знание о предстоящем мятеже без действия», что позволяло предать его Верховному уголовному суду в пространстве от V до VIII разряда Согласно градации наказаний, принятой судом, это соответствовало наказанию каторжными работами сроком до десяти лет, либо бессрочному поселению в Сибири (автор статьи опирается на систему обвинений и соответствующих наказаний, разработанную Верховным уголовным судом 1826 года [ВД, 1980, с. 103—109, 218—222]).

Однако Арсеньев сумел представить следствию другую трактовку уличающих показаний, полностью лишив свидетельства о разговоре с А. З. Муравьевым обвинительного значения. В показаниях Арсеньева предложение подготовить подчиненные войска к мятежному выступлению предстало в противоположном свете — как законное предложение подготовиться к походу против мятежников. Руководители заговора в частях 1-й армии С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин не подтвердили показаний о членстве Арсеньева в Южном обществе, что определило дальнейшие выводы следствия. Оно сочло уличающие показания недостаточными для обвинения.

Предпринятые Арсеньевым попытки переопределить содержание уличающих свидетельств достигли своей цели, а молчание товарищей по тайному обществу определило благоприятный для обвиняемого исход следствия. Оправдательный вердикт, утвержденный императором, стал препятствием для учета показаний, поступивших позднее, в том числе удостоверявших членство подполковника в декабристском союзе.

Подлинное отношение Арсеньева к декабристской конспирации укрылось от внимания следствия, свидетельства о его причастности к ней были проигнорированы после выдвигения Арсеньевым оправдывающей его версии. Но историк не равен следователю и не обязан доверять заключениям официального расследования: в его распоряжении имеется весь комплекс документальных данных, в том числе оставленных без внимания дознанием. По итогам анализа следственных материалов правомерно заключить, что соотнесенные следствием недостаточными для обвинения показания А. З. Муравьева и М. И. Муравьева-Апостола представляются более соответствующими отношениям, связывавшим Арсеньева с декабристским обществом, нежели оправдательные показания последнего, порожденные его «линией защиты». Несмотря на официальное оправдание, ставшее результатом скоротечного неполного расследования, есть основания отнести

Арсеньева к числу членов Южного общества, выражавших готовность принять участие в выступлении Черниговского полка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Госполитиздат, 1950. — Т. IX. — 308 с.
2. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Госполитиздат, 1954. — Т. XI. — 436 с.
3. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Наука, 1986. — Т. XVI. — 400 с.
4. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — 296 с.
5. ВД — *Восстание декабристов*. Документы. — Москва : РОССПЭН, 2001. — Т. XIX. — 528 с. — ISBN 5-8243-0147-6.
6. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 48 (Следствие и суд по делу декабристов). Ф. 48. Оп. 1. Д. 176 (И. А. Арсеньев).
7. *Горбачевский И. И.* Записки, письма / И. И. Горбачевский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1963. — 354 с.
8. *Декабристы*. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — 448 с. — ISBN 5-02-009485-4.

Литература

1. *Вершевская М. В.* Декабристы в Петропавловской крепости : персоналии, хронология, топография. Справочный указатель / М. В. Вершевская // *Декабристы*. Актуальные проблемы исследований. Сборник статей и материалов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 302—379. — ISBN 978-5-4469-0483-9.
2. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.
3. *Ильин П. В.* Обманувшие следствие : к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825—1826 гг. / П. В. Ильин // *Русская история и историческая мысль XIX—XX вв.* Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2006. — С. 185—195. — ISBN 5-98187-072-9.
4. *Ильин П. В.* П. А. Набоков и Ф. С. Панютин — неизвестные члены Васильковской управы Южного общества / П. В. Ильин // *Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали*. [Декабристы в Украине. Исследования и материалы]. — Киев : Изд. С. Е. Цымбаленко, 2009. — Т. 6. — С. 42—65. — ISBN 978-966-96992-4-4.
5. *Ильин П. В.* П. Я. Ренненкампф : незамеченный декабрист-заговорщик / П. В. Ильин // *Научный диалог*. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 409—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436.
6. *Киянская О. И.* Южный бунт / О. И. Киянская. — Москва : Изд-во РГГУ, 1997. — 192 с. — ISBN 5-7281-0004-X.
7. *Любарская Т. Г.* Декабрист А. З. Муравьев / Т. Г. Любарская // *Муравьев А. З.* Письма. — Иркутск : Иркутский музей декабристов, 2010. — С. 3—105.

8. *Медведская Л. А. С. И. Муравьев-Апостол* / Л. А. Медведская. — Москва : Просвещение, 1970. — 176 с.
9. *Муравьев М. В. Декабрист А. З. Муравьев* / М. В. Муравьев // *Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов, статей и воспоминаний.* — Москва : Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан, 1926. — С. 103—128.
10. *Нечкина М. В. Восстание Черниговского полка* / М. В. Нечкина // *Каторга и ссылка.* — 1925. — № 8. — С. 87—112.
11. *Нечкина М. В. Общество соединенных славян* / М. В. Нечкина. — Москва : Гос. изд-во, 1927. — 248 с.
12. *Нечкина М. В. Предисловие* / М. В. Нечкина // *Восстание декабристов.* — Москва : Госполитиздат, 1954. — С. 7—28.
13. *Нечкина М. В. Движение декабристов* / М. В. Нечкина. — Москва : Изд. Академии наук, 1955. — Т. 2. — 506 с.
14. *Оксман Ю. Г. Восстание Черниговского полка* / Ю. Г. Оксман // *Восстание декабристов. Материалы.* — Москва : Гос. изд-во, 1929. — С. IX—LXVII.
15. *Порох И. В. Восстание Черниговского полка* / И. В. Порох // *Очерки из истории движения декабристов.* — Москва : Гос. изд-во полит. литературы, 1954. — С. 121—185.
16. *Фельдман Д. М. Департамент приемов и уловок* / Д. М. Фельдман // *14 декабря 1825 года : источники, исследования, историография, библиография.* — Санкт-Петербург ; Москва : Нестор-История, 2010. — Выпуск 8. — С. 458—490.
17. *Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей : повесть о С. Муравьеве-Апостоле* / Н. Я. Эйдельман. — Москва : Госполитиздат, 1980. — 365 с.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025,
одобрена после рецензирования 29.09.2025,
подготовлена к публикации 17.10.2025.*

Material resources

- GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 48 (Investigation and trial of the Decembrists). F. 48. Op. 1. D. 176 (I. A. Arsenyev).* (In Russ.).
- Gorbachevsky, I. I. (1963). *Notes, letters.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 354 p. (In Russ.).
- The Decembrists. Biographical reference book.* (1988). Moscow: Nauka Publ. 448 p. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, IX.* (1950). Moscow: Gospolitizdat. 308 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XI.* (1954). Moscow: Gospolitizdat. 436 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVI.* (1986). Moscow: Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVII.* (1980). Moscow: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XIX.* (2001). Moscow: ROSSPEN. 528 p. ISBN 5-8243-0147-6. (In Russ.).

References

- Eidelman, N. Ya. (1980). *Apostol Sergei: the story of S. Muravyov the Apostle.* Moscow: Gospolitizdat. 365 p. (In Russ.).

- Feldman, D. M. (2010). Department of techniques and tricks. In: *December 14, 1825: sources, research, historiography, bibliography*, 8. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya. 458—490. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New information about the Decembrists. Members of secret societies and military actions of 1825—1826 who were pardoned, acquitted and undetected by the investigation*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2006). Deceived the investigation: towards the study of methods and techniques for the protection of the accused at the Decembrist trial of 1825—1826. In: *Russian history and historical thought of the XIX—XX centuries. Collection of articles on the 75th anniversary of A. N. Tsamutali*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 185—195. ISBN 5-98187-072-9. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2009). P. A. Nabokov and F. S. Panyutin — unknown members of the Vasilkovsky board of the Southern Society. In: *Decembrists in Ukraine. Until the end of the material. [The Decembrists in Ukraine. Research and materials]*, 6. Kiev: Publishing house of S. E. Tsymbalenko. 42—65. ISBN 978-966-96992-4-4. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2024). Pavel Rennenkampf: Unnoticed Decembrist Conspirator. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 409—436. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-409-436. (In Russ.).
- Kiyanskaya, O. I. (1997). *Southern rebellion*. Moscow: RGGU Publishing House. 192 p. ISBN 5-7281-0004-X. (In Russ.).
- Lyubarskaya, T. G. (2010). The Decembrist A. Z. Muravyov. In: *Muraviev A. Z. Letters*. Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists. 3—105. (In Russ.).
- Medvedskaya, L. A. (1970). *S. I. Muravyov-Apostol*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 176 p. (In Russ.).
- Muravyov, M. V. (1926). The Decembrist A. Z. Muravyov. In: *Secret societies in Russia at the beginning of the 19th century. A collection of materials, articles, and memoirs*. Moscow: Publishing House of the All-Union. Political prisoners. 103—128. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1925). The uprising of the Chernigov regiment. *Penal servitude and exile*, 8: 87—112. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1927). *The Society of the United Slavs*. Moscow: State Publishing House. 248 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1954). Preface. In: *The Decembrist Uprising*. Moscow: Gospolitizdat. 7—28. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1955). *The Decembrist Movement*, 2. Moscow: Publishing House. Academy of Sciences. 506 p. (In Russ.).
- Oxman, Yu. G. (1929). The uprising of the Chernigov regiment. In: *The Decembrist Uprising. Materials*. Moscow: State Publishing House. IX—LXVII. (In Russ.).
- Porokh, I. V. (1954). The uprising of the Chernigov regiment. In: *Essays from the history of the Decembrist movement*. Moscow: State Publishing House of Political Science. Literature. 121—185. (In Russ.).
- Vershevskaya, M. V. (2014). The Decembrists in the Peter and Paul Fortress: personalities, chronology, topography. Reference index. In: *The Decembrists. Current research issues. Collection of articles and materials*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 302—379. ISBN 978-5-4469-0483-9. (In Russ.).

*The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 17.10.2025.*